

Альбина БУШЕНЁВА

с. Большая Пысса (Коми)

НЕ СБЫЛОСЬ

рассказ

На большой перемене меня попросили зайти в дирекцию нашей школы. Интересно, зачем?

Постучалась, вошла. Директор, низенького роста, плотный, широкоплечий, с густым ёжиком русых волос, в больших очках, поднялся из своего кресла мне навстречу с приветливой улыбкой на лице, усадил напротив молоденького завуча Людмилы Романовны. Та с надеждой посмотрела на меня, сложила губы бантиком и мило улыбнулась. «Видно, они что-то затеяли, — подумала я, — или им от меня что-то нужно».

Директор заговорил первым:

— Знаете, какое дело, Ирина Stanisлавовна... Вы были на больничном, поэтому не в курсе. Из роно пришла бумага. В нашем учительском коллективе надо провести внутришкольные педагогические чтения. Тема такая: «Поиск путей демократизации и гуманизации воспитательного процесса в школе». И самый лучший доклад от нашей школы рекомендовать на районную конференцию. Мы тут посоветовались с Людмилой Романовной и решили в коллективе конкурс не проводить. Время поджидает. Сами знаете, что указы, приказы роно доходят до нас с большим опозданием. А попросить вас подготовить доклад и выступить на районных педагогических чтениях от нашего коллектива.

— А почему именно я? — вырвалось у меня. — Кто-то, может, лучше меня напишет?

— Ну что вы! Я уверен, у вас хорошо получится. Поверьте мне. Вы же языковед. И стаж уже немаленький: как-никак двадцать лет. Опыт есть. Пожалуйста, Ирина Stanisлавовна, попробуйте! А потом мы всем коллективом послушаем вас и дадим рекомендацию в район.

— Не знаю, не знаю...

— Ну, пожалуйста! — подхватила с надеждой Людмила Романовна. — Никто не хочет участвовать в конкурсе. Мы уже поговорили с некоторыми. Ведь распоряжение роно уже неделю висит в учительской. Все отнекиваются. Трудно, мол, да и времени нет.

— Ну, ладно, — с тяжелым вздохом согласилась я, — попробую...

Раз никто не хочет, надо же кому-то постоять за честь родной школы, доказать, что и мы чего-то стоим. А то обидно. В районе сложилось такое мнение, что в сельских школах

типа нашей нет сильных педагогов, поэтому низкая успеваемость и много «трудных» учащихся.

Больше всех достается, конечно, нашему директору. Но он молодец — держит удар. Не расстраивается, когда его критикует районное начальство. Все только требуют, а нормальных для учёбы условий никаких не создают. Приехали да посидели бы в наших «ледяных» классах, когда ручки не пишут в окоченевших пальцах: засыхают чернила. Зимой ни варежки, ни пальто не спасают от холода. А им, в роно этом, видите ли, даже зимой жарко в кабинетах: форточки открывают! Да у нас дети местные пять-шесть уроков сидят голодные, а интернатовских хоть на большой перемене худо-бедно кормят в школьной столовой.

Несмотря на эти трудности, мы работали, творили, сеяли, так сказать, разумное, доброе, вечное, потому что были молоды, полны надежд, веры в свои силы. А действительно, чем мы, сельские учителя, хуже остальных? Тем, что во время распределения не испугались трудностей и поехали работать в деревню, в село? Или тем, что у нас мало или почти нет готовой методической литературы и наглядных пособий для урока и приходится всё делать самим? Или тем, что излишне придирчиво оцениваем своих учеников и не рисуем «тройки» вместо «двоек»?

Неверие районного начальства в нашу школу продолжалось до тех пор, пока мы не перешли в новое кирпичное здание со всеми удобствами. Тогда всё изменилось. Постепенно повысилась успеваемость, появились призовые места на районных и республиканских предметных олимпиадах. Появились спортивные достижения. Но, несмотря на это, в глазах роно наша сельская школа ещё долго была в числе отстающих.

С тяжелым сердцем я начала готовить своё выступление. Тема доклада действительно оказалась трудной. Теоретического материала почти никакого. И самой многое непонятно. Перерыла всё в школьной и сельской библиотеке, в кабинетах завуча и директора. Помощи почти никакой.

«Демократизация и гуманизация воспитательного процесса в школе». Пришла к выводу, что в теме доклада вывеска новая, а принципы воспитания уже не новые — времён Макаренко. Одним словом, нужно доказать, что учитель и ученик — не начальник и подчинённый, как мы привыкли,

а равноправные сотрудники, как бы коллеги в учебном процессе. Педагогика сотрудничества — это совместный труд, взаимопонимание, сопереживание, сострадание к ребёнку.

Решила: раз нет достаточного теоретического материала, нужно поднажать на практическую сторону и на чувства слушателей. Больше примеров из жизни. Как получится. Главное, выступить, не подвести администрацию школы.

В начале доклада привела пример из «Пионерской правды» — выдержку из письма ученицы одиннадцатого класса одной из ленинградских школ: «Умные, сильные взрослые люди! В круговороте событий, в суматохе явлений вы забыли о главном. Воспитание детей не может быть десятым или вторым вопросом. Вы что-то ломаете, строите заново. Но неужели вы не задумываетесь над тем, кто будет продолжать начатое, что произойдет, когда к управлению страной придут представители нашего поколения? Ведь в большинстве своём мы — серая, безликая масса. Мало у кого осталось желание учиться и работать. Может быть, ещё не поздно? Если же изменение школы не станет первоочередной задачей, о какой лучшей жизни можно мечтать?..»

Да, изменения необходимы. Конец восьмидесятых — тяжелое время. И в педагогике тоже.

Политическая и экономическая борьба, происходящая на глазах у школьников, рост преступности, снижение нравственных идеалов, коррупция и рвачество — всё это чрезвычайно усложняет процесс воспитания учащихся и предъявляет высочайшие требования к профессиональному мастерству учителя. Дети не хотят учиться. Учителя не хотят мучиться — уходят из школы. Остались самые стойкие. По словам некоторых учителей, дети стали злыми, жестокими. А ведь мы сами тоже как будто замешены на зле.

Вспомнился случай из моего далёкого детства. Это было в пятом классе. Однажды на уроке один мальчик из непослушных своим несносным поведением вывел из себя учительницу. Не совсем молодую. Со стажем. И она решила выгнать его с урока. Он не послушался. И учительница вызвала на помощь директора. И тому пришлось приложить немалую силу. Он с яростью на наших глазах чуть ли не вместе с партией выволок нарушителя дисциплины из класса. Мы были в ужасе от произошедшего. Мы до этого любили директора,

считали, что он человек добрый, уравновешенный, а тут... Видно, тогда учитель забыл, что доброта, по словам английской поэтессы Бови, — язык, на котором немые могут говорить и которые глухие могут слышать.

Да, к сожалению, мы, учителя, ещё плохо знаем психологию ученика. Не умеем слушать и слышать подопечного. Нам бывает трудно оценить его состояние по голосу, мимике, жестам. Из-за этого нередко возникают конфликты.

«Сколько тысяч лет она, педагогика, существует. Какие блестящие мысли: Песталоцци, Руссо, Блонский! Сколько книг! А в то же время ничего нет. С одним хулиганом нельзя управиться», — эти слова произнёс в злую минуту молодой Макаренко.

Так и есть. И сегодня. И если мы хотим демократии всерьёз и надолго, то уже сегодня нам надо изменить своё отношение к детям. Нам нужно понять, что самый прекрасный урок не сделает нас настоящими учителями, если нас не хватает на каждого ученика в «минуту, злую» для него.

Многие учителя, по мнению ребят, вспыльчивы, несдержанны в выражениях, проявляют по отношению к ним грубость и бестактность. А всё потому, что стали меньше заниматься теорией педагогики, стали некомпетентны в педагогической науке. Вот почему этот вопрос о взаимоотношениях ученика и учителя вынесли на широкое обсуждение на педагогических чтениях.

Вот с такими мыслями я начала писать доклад. Было очень трудно. Приходилось материал как бы высасывать из пальцев.

Районные педагогические чтения проходили на январских каникулах в просторном актовом зале райкома партии. Зал был битком набит. Представители роно, райкома партии, профсоюза, комсомола, администрация школ, учителя, выступающие с докладами, их группы поддержки.

Мне было страшно выходить перед такой публикой, но всё обошлось без казусов.

В конце выступлений жюри подвело итоги. И четыре лучших доклада были выбраны на республиканские педагогические чтения: три доклада из самой успешной в районе поселковой школы и, как гром среди ясного неба для меня, мой доклад.

Это была огромная радость для нас, меня и моих коллег, гордость за нашу многострадальную школу, что и мы что-то можем!

Заведующая роно, женщина строгая, принципиальная, была очень рада за нас и предупредила меня, что желательно доработать доклад и отправить в город на утверждение. Что я и сделала. Опять пришлось помучиться, искать материал, заново переписать. Что вышло из-под моего пера, не знаю.

Республиканские педагогические чтения проходили на мартовских каникулах в здании пединститута.

Наши доклады, которые мы высылали на утверждение, к сожалению, нам вернули только утром в день выступления.

Не знаю, как другим, а мне доклад вернули с аннотацией, подписанной Валентиной Ивановой Беликовой, как потом оказалось, заведующей кафедрой методики начального обучения, кандидатом педагогических наук.

Эта аннотация меня просто-напросто огоршила. Крупным размашистым почерком на листке бумаги в конце было выведено: «Нет единой системы по формированию новых взаимоотношений в педагогическом процессе. В таком виде доклад не соответствует теме конференции». И подпись. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Было стыдно за свою работу: выходит, я не справилась. Ведь ещё Лев Толстой говорил: если ты что-то делаешь, то делай хорошо, а если не можешь делать хорошо, лучше совсем не делай.

Я была в полном замешательстве. Что-то менять, исправлять времени нет. Меня взяла злость на эту Валентину Ивановну, на организационный комитет. Могли ведь пораньше позвонить, предупредить хотя бы по телефону, что надо ещё поработать над недостатками. Может, подумала, вообще отказаться от выступления? Но поздно. Моя фамилия уже указана в списке. Деваться некуда. Где наша не пропадала!

Вот в таком подвешенном состоянии я стояла в фойе у окна: ждала начала мероприятия. Неожиданно ко мне подошла учительница из нашего района. Молодая, приветливая, очень общительная. Она мне сразу понравилась. Учит в старших классах. Та учительница тоже приехала выступать и ждала своих двух коллег — учителей начальных классов, которые скоро должны подойти.

— Вот они, — неожиданно тихо проговорила она, — сейчас подойдут...

Но что меня удивило, они прошли мимо, хотя заметили нас, с гордо поднятой головой, как возле пустого места. Даже не поздоровались.

— Почему они так? Вы же в одной школе работаете? — посмотрела я на свою новую знакомую. — Или не захотели со мной познакомиться?..

Ответить она не успела. Всех позвали в зал на пленарное заседание. А потом разбили на три секции. С моей новой знакомой мы оказались в одной, а тех двух «землячек» я потом, к сожалению, не видела.

Стоило ли обижаться, что меня не заметили или не захотели заметить те учителя самой престижной в районе школы, дающие самые высокие проценты успеваемости — самые-самые?.. Весьма возможно, и доклады у них лучше всех. Где они, а где моя школа? Притча во языцех. Деревенская, значит, ущербная. Я не раз сталкивалась с этим. Не буду скрывать, мне было обидно за нас.

В аудитории, где проходили занятия нашей секции, было полно народу. На повестке — девять докладов учителей городских и сельских школ.

Когда дошла очередь до меня, спокойно, ничуть не волнуясь, вышла перед аудиторией и стала читать свой «бракованный» Валентиной Ивановной доклад с чувством, с толком, с расстановкой. Она, между прочим, сидела тут же, в жюри. Раз мой доклад не соответствует целям и задачам педагогических чтений, я решила прочесть выразительно, как полагается филологу. Как говорится, не мытьём, так катаньем.

Не волновалась, хотя в двух шагах от меня в жюри сидел сам заместитель министра народного образования республики. Своё выступление я закончила словами: «Нужно глубоко пережить недовольство собой, не школьной политикой в государстве, не педагогической теорией и даже не школьной администрацией, а именно собой как воспитателем, чтобы отторгнуть старое. И не стоит излишне терпеливо ждать инструкций сверху — следует уже сегодня перестраивать свою педагогическую позицию, возвышаться до истинного воспитания».

Сначала в зале было тихо. И вдруг раздались дружные аплодисменты. Заместитель министра доброжелательно посмотрел на меня и с улыбкой спросил:

— А как у вас отношения с администрацией школы, где работаете?

Все оживились. Ждали, что я скажу.

— Нормальные, вернее, дружественные.

— Не конфликтуете? Не ругают?

— Нет. А зачем? Мы работаем в одной упряжке. Делаем одно дело. Они нам помогают.

Заместитель министра обернулся к членам жюри:

— Удивительно. Первый раз вижу, чтобы учитель был доволен своей администрацией.

— А какие у вас лично отношения с классом? Вы ведь классный руководитель. Не так ли?

— Да. У меня восьмой класс. Учю их, учусь у них. Полное доверие друг к другу, желание помочь в трудную минуту. Бывают срывы, в основном у мальчиков, но мы стараемся вместе справиться с ними. Вместе нам весело. Мы как одна семья. Дни именинника, тематические вечера, конкурсы, концерты, походы в поисках краеведческого материала по близлежащим деревням, экскурсии по музеям. Главное, коллективное дело, перспектива...

В конце заседания круглого стола выбирали доклады на зональные педагогические чтения, которые должны были пройти в сентябре в городе Свердловске. По три доклада с каждой секции.

Наше жюри попросило слушателей самим выбирать, чьё выступление им больше понравилось.

Меня ошеломило, когда в числе трёх лучших назвали мою фамилию. Я была в шоке, в ступоре. Мой неудачный недоработанный доклад в списке лучших! А значит, осенью еду в Свердловск! И это слышит уважаемая Валентина Ивановна, которая забрала мою работу. (Хотя, если честно, где-то я с ней соглашаюсь: всё же она была права.)

Счастью моему не было предела. Назло всем врагам я прошла и этот конкурс, а те мои землячки из поселковой школы, получается, нет.

Всю обратную дорогу домой моя душа пела. Из головы не выходили слова всеми любимой в то время песни:

*Если вы не бывали в Свердловске,
Приглашаем вас в гости и ждём.
Мы по городу нашему вместе,
Красотой любуясь, пройдем...*

184 *Альбина Бушенёва*

Когда я слышала эту песню, всегда вспоминала кинофильм «Весна на Заречной улице», как рабочая молодежь вечерами дружно гуляла по улицам и паркам.

Таким же уютным и милым мне казался и Свердловск. И я поеду туда. Ура!

В своей школе коллегам просто сказала, что осенью, в сентябре, еду в Свердловск на зональные педагогические чтения. В отличие от меня, они восприняли эту новость весьма спокойно. Восторгов не было. Ближе к концу учебного года опять звонили из роно. Попросили ещё поработать над докладом и отправить его в наилучшем виде в Москву, в организационный комитет по педчтениям на утверждение по адресу: Чистые пруды, дом шесть. Отправила.

Одно только название улицы пробуждало во мне столько положительных эмоций. Ведь про Чистые пруды пел мой любимый певец Игорь Тальков.

Всё лето прошло в счастливом ожидании какого-то праздника. Скоро, скоро меня вызовут в Свердловск! Давно уже хотелось съездить куда-нибудь, но всё никак не получалось. Правда, во время учёбы в школе и в институте я побывала и на берегах Невы, в Ленинграде, и в Москве, и в Сочи, где «тёмные ночи», в Куйбышеве и в Феодосии — на родине художника Айвазовского. А

потом на долгие годы штиль, полное затишье. Никуда: семья, школа, работа. Не считая одного круиза по Волге с мужем по бесплатной путёвке. Да и времена изменились. Зарплаты мизерные, и то с задержкой на несколько месяцев.

И вот выпал счастливый билет: поездка в Свердловск. Опять, как и в молодости, почувствовать ветер странствий! Но ни звонков, ни приглашения на педагогические чтения всё не поступало, а ведь скоро новый учебный год. Лето на исходе. Идут злые дожди.

А потом произошло самое ужасное: 19 августа 1991 года неожиданно для всех в стране произошёл путч. Мир перевернулся с ног на голову. Никто не знал, что будет дальше. Какая уж тут конференция! Какие педчтения!

Понятно, что я так и не дождалась приглашения в Свердловск ни в сентябре, ни потом. И никто не позвонил, даже из роно, никто не извинился, что из-за путча всё отменяется.

Я была глубоко разочарована таким поворотом дела, но всё ещё иногда дома тихонько напевала:

*Если вы не бывали в Свердловске,
Приглашаем вас в гости и ждём...*

Жаль, что не все мечты сбываются...

Альбина Михайловна БУШЕНЁВА

родилась в селе Важгорт Удорского района Коми АССР.

Окончила Коми государственный педагогический институт.

Сорок лет работала учителем русского языка и литературы.

Пишет рассказы.

Автор двух книг.

Печаталась в газетах, журналах, альманахах Коми.

В журнале «Север» публикуется впервые.

